

ЗАКОНЧЕН юбилейный театральный сезон. Коллективы литовских театров показали свои лучшие спектакли, посвященные знаменательной дате — 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, не только на стационарных площадках, но и в многочисленных гастрольных поездках. Настал момент итогов и раздумий.

Министерство культуры Литовской ССР выдвинуло на всеобщий показ четыре театральные работы — «Жестокость» по повести П. Нилина (Русский драматический театр), «Падающие звезды» Ю. Марцинкявичюса (Клайпедский драматический театр), «Юность отцов» Б. Горбатова (Молодежный театр) и «Тридцатое августа» («Большевик») М. Шатрова (Каунасский драматический театр). Несомненный интерес любителей и ценителей сценического искусства вызвал спектакль каунасцев, который был показан на республиканском смотре, состоявшемся в Вильнюсе весной нынешнего года. Мне посчастливилось присутствовать на этом смотре. Не подвергая сомнению обоснованность отбора, произведенного Министерством культуры Литвы, хочу поделиться впечатлениями и мыслями, родившимися тогда, в каюте литовского юбилея, когда вся республика, казалось, взволнованно и радостно жила театром.

Послеовательно и упорно, с заинтересованностью ученого-аналитика и страстью художника-борца Академический театр драмы Литовской ССР исследует душу современника в современное общество, классовой смысл и проявления такого свойства человеческой души, как совесть.

Об этом говорит спектакль этого театра «В вихре». Пьеса создана по мотивам романа И. Аляжюса «Нашествие» самым писателем и главным режиссером театра Г. Вапнявичюсом, который и поставил этот спектакль.

Перед нами социально-философская трагедия. По жанру, масштабности характера, эпической широте повествования она безусловно «включе» всякий театр последних трех-четыре лет. Действие переносит нас в прошлое — в годы фа-

шистской оккупации Неманского края. Краски беспощадны, страсти обнажены, позиция театра защищается яростно, дублицистично.

В центре спектакля — наш современник, учитель, философ, поэт Гедиминас Джугас. Мы видим, как сложен был процесс идейного взросления героя. Интеллигент, еще зрелище было затуманено дымовой завесой буржуазных «свобод», он шел от разочарования к разочарованию. Он бродил по миру мертвецов и го-

общался в сегодняшний мир, к сегодняшнему человеку.

Точка внешний образ спектакля (художник Ф. Навинкас). Оформление экспрессивно, как сам описанный вихрь событий, обрушившихся на учителя Гедиминаса. Мир обожжен и беспощадно ярок. Разорванная решетка-спираль над самой аяканской. Вздыблен, как символ войны. И в строгом орнаменте темного металла, и в тревожном, как бы изнутри освещающем дымовый мир

гуются с мужеством, жестокой, грубой силой.

Особое место в обоих спектаклях, выдвинутых на смотры этим театром, занимает работа молодого артиста Ариаса Росенаса. В драме «В вихре» он — советский офицер, выходящий на связь с литовскими партизанами в группу военнопленных. А в постановочном представлении «Мосты Альматиса Балтакиса, поставленном также Г. Вапнявичюсом, Ариас Росенас играет Лирического героя.

стиящем актерском уровне прозвучал спектакль Папевижского театра «Дни Турбиных» М. Будлакова (режиссер Ю. Мильялис). Живая работа, пестро, театрально выглядит пьеса В. Катаева «Белеет парус одинокий» в Вильнюсском молодежном театре (режиссер В. Чибрас). Нельзя не упомянуть истинно юбилейную увлеченность в искрометный темперамент, отмечающие дуэт Гавриха (Н. Гейжжигите) и Пети (А. Кудайяйте).

пудса — бюрократ и залуги. Г. Аляжюксим широкими, большими мазками пишет портрет залуги и тулупки Оптимистенко. До конца развешена, разоблачена до пошлой духовной наготы мазки Мезалляисова (И. Нарняускайте). Но театр же удовлетворяется разоблачением пошлой и скудной ситости воинствующего мешанства Театр с радостью валдит нас в бескойлий мир мидых и члстных, леподкупных в беспорядных фантазеров — изобретателя Чузакалы

Глубокой и страстной заинтересованностью, талантливой режиссурой и блестящей игрой «Современник» закрыл, очевидно, некоторые пороки, присущие всему. Они дали о себе знать при знакомстве с каунасским вариантом (режиссер И. Юрашас).

Спектакль распадается на две части — до и после «выдревания» решения о красном терроре. Первая половина ярка и убедительна, на уровне возможностей этого талантливого театрального коллектива. Глубок экскурс Антанаса Габриваса в сложный и противоречивый духовный мир А. В. Вуначарского. К явлению искусства, выходящим за пределы одного спектакля, относится работа Руты Сталлювайде над образом Н. К. Крупской.

Но не мере того, как выисковывается неизбежность принятия лектора в красном терроре, атмосфера спектакля сгущается, колорит его становится мрачным, тревожным, первозым. Угрожающие, истерические голоса несущиеся из зала — так может кричать лишь разбушевавшийся черн. Алые сполохи несутся по полномуному залу, огнем пожара вскакивают злая шарповым, словно зажатые в тиски, страданий убежденность в правоте в святости своего дела.

Зачем же режиссер И. Юрашас так сгустил краски? В потюте за «новым решением» или в угоду модному крену? и повышенной нервозности? Не знаю. Но ясно одно: волюно или неволюно театр «подыраив» очень створой и многократно гнетливо инспирергашей Ленинским спекулятивной трактовке красного террора.

Мы могут возражать: стоит ли, дескать, преваливать значение сетовых и звуковых эффектов, являющихся, так сказать, чисто стиливыми приемами постановки?

Общезвестен такой искусства: оно не «ображающее зеркало», а «увеличивающее стекло». И оно не терпит пустот. «Просто так» в искусстве не бывает. Незащищенная, размытая, ослабленная позиция волюно или неволюно расширяет дуть «янтлопозшину».

ВИЛЬНЮС.

ЕСЛИ У ТЕАТРА ЕСТЬ ПОЗИЦИЯ...

Ольга МАКАРОВА,
собр. мему. «Советской культуры»

вирля живым: «Смотрите... этот клочок земли у Балтики, покоящийся на карте на человеческое сердце, сплошь усеян костями предков...» Он думал, что свобода поругана и затоптана навсегда.

Профля дорогой гостю, чудовишных испытаний, Гедиминас понял: есть совесть и «свобода». Есть совесть партизана Марюса, требовательная и властная. Она воплощает жизнь человека высоким смыслом. Борьбтся, чтобы потомки разовелись асее. И она, прекраснотушный философ, понял: добренького, чистенького пути к будущему нет.

В застенке гестапо, в первые между пытками, проходит Гедиминас ружья гражданский университет. Его руки в наручниках, но душа свободна. Ибо на земле существует один лишь вид истинной свободы — свобода революционера.

Там, взрывая поход захлод, меданской добродетели, аподитичности, пассивности, пессимизма, прикрываемых порой политический демагогией, театр страстно, откровенно, убежденно защищает позицию активности, деяния.

Неся в себе зримые и точные приметы военной години, спектакль

людей, мерцания светлячков, и в разстерзанном стрелами деревянном лице малюнки — во всем этом глубокая мысль, подчеркивающая самобытность, национальный колоритом.

Спектакль смотрится напряженно. Авторы пьесы счастливо избежали обычных индустриальных безфразментарной индустриальности в скоротечности. Гедиминас Джугас играет Г. Кураускас. Это — справедливо, облитое кровью сердце. Это разговор чистоты. Со своим партнерями. С слышавшим в зале. С самим собой. И все это облетено в форму строгую, почти аскетичную. Без малейшей парочности, без внешних поз, жестов, вытвояния.

Животисен Аломас (А. Хадаравичюс) — здоровый, сильный и прекрасный парень, рожденный, кажется, для труда и счастья. Но он обречен: духовный неутрачиваемый поздначивает его силы, превращает в безвольную тряпку. А вот он — явлана, чешущее гибель людам.

Всегда радостна встреча с ярким и умным дарованием Регимантаса Аломатиса. Он создает образ вожака партизан Марюса Нямукаса. Целомудренность, вежливость соче-

И снова большой успех. Если в «В вихре» театр шел к решению проблемы совести путем широкомасштабной эпической трагедии, то «Мосты» — синтез интимных, доверительных лирических поворотов душа человеческой. Но душа то эта светлая. Она соткана из чувства глубокой ответственности перед людьми, из мужества и трудолюбия, из любви к новой жизни, к родному народу, к Анеле — девушке-мечте. Это душа революционера и романтика, активного, веселого и дерзновенного человека, жаждущего трудных дел и жарких боев за правое дело. Таков смысл и такова предельно удивительной поэзии Балтакиса — поэзия мужественной и нежной, возвышенной и земной. Таков образ юноши, созданный Росенасом.

Только, с большим вкусом и чувством поэзии режиссер «организовал» действие и снабдил Лирического героя синхроничные аккомпанемент, состоящий из трех его сверстников. Они как бы персонифицируют гражданскую совесть. Это артисты Р. Аломатис, Г. Кураускас, я А. Хадаравичюс.

С тонким проникновением в психологию героев, как всегда, на бле-

С большой ответственностью, корректно и проникновенно воплощает образ В. И. Ленина С. Паска в спектакле «Вечный источник» Д. Зорина (режиссер М. Карклялис) в театре Г. Шауляй.

Русский драматический театр показал «Все остается людям» С. Алешина (режиссер Е. Хигерювич). В спектакле не все удалось в равной мере, но сам факт обращения театра к этой пьесе говорит о возросших творческих возможностях труппы, о ее серьезном и глубоких намерениях, хотя где-то спорно сугубо вернопольный, экзальтированный, нарочито «злой» Дролов (А. Ниожевич).

Одним из самых молодых режиссеров Литвы, Повилас Гайлис (главный режиссер Клайпедского драматического театра), набрал для показа «Вално», впервые поставил ее на эпической сцене. Этот изобретательный, веселый спектакль был восторженно принят зрителями. В чем отчасти сказалась уверенность жмелетутрождающая позиция театра.

Со злом надо бороться беспощадно. И беспощадно Р. Гринявичюс в своем понимании правды и истинной, мерзостной натуры Гамач-

(Б. Баранюкас), находилого, неосторожно остроумного Велосипедкина, с импрессионным блеском сыгранного А. Венкушасом. Симпатичным трудолюбивым и верным другом — рабочим Фелоскин и Давюкин (И. Станис и Ю. Паулаускас). Мир, будущие принадеждат им, самодостаточным мечтателям.

Он талантлив, этот спектакль. И в равной мере, но сам факт обращения театра к этой пьесе говорит о возросших творческих возможностях труппы, о ее серьезном и глубоких намерениях, хотя где-то спорно сугубо вернопольный, экзальтированный, нарочито «злой» Дролов (А. Ниожевич).

Каждый раз, когда я вижу новую сценическую интерпретацию этой драмы, волюно или неволюно меряю ее высокой меркой «Современника». Откуда счастливую жизнь «Большевиком», «Современник» создал на основе этой пьесы спектакль возвышенный, вдохновляющий, исполненный гражданского пафоса.